

© 1995 г.

**В.О. РУКАВИШНИКОВ, Л. ХАЛМАН, П. ЭСТЕР,
Т.П. РУКАВИШНИКОВА**

РОССИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ. СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ 22-х СТРАН ЕВРОПЫ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ¹

РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович и РУКАВИШНИКОВА Татьяна Павловна работают в Институте социально-политических исследований РАН. Наши постоянные авторы. Питер ЭСТЕР и Лук ХАЛМАН - сотрудники Тилбургского университета (Нидерланды). П. Эстер опубликовал в нашем журнале статью (1994. № 8-9, 11). Л. Халман публикуется в «Социологических исследованиях» впервые.

Введение

Замысел этой работы возник в ходе дискуссии между голландскими и русскими социологами о том, что же происходит в настоящее время в России. В этой стране, протившейся со своим коммунистическим прошлым в 1991 г., по-прежнему не преодолен глубокий экономический и политический кризис, в то время как такие центрально- и восточноевропейские страны, как, например, Чехия или Венгрия, демонстрируют всему миру успешное решение тех же задач посткоммунистической трансформации, что стоят и перед россиянами. Было высказано мнение, что существенно отличные результаты реформ в России связаны не только с огромными масштабами этой великой страны, спецификой формирования и деятельности ее новой политической и хозяйственной элиты, но и с особенностями политической культуры и менталитета россиян.

В данной публикации мы сконцентрировали наше внимание на политических ценностях и иных, связанных с ними характеристиках политической культуры, оставив за пределами обсуждения сферу труда, семьи, морали, религии, где также проявляются элементы сходства и отличия ценностных структур и моделей поведения россиян и жителей других стран. Наше исследование основано на сравнении результатов опросов, проведенных в России в 1993-1994 гг. под руководством В. Рукавишникова, и данных, собранных в 1990-1991 гг. в большинстве стран Европы и Северной Америки интернациональным коллективом исследователей, объединенных в так называемую европейскую группу по исследованию ценностей (European (Global) Value Study Group), в состав руководства которой входят голландские соавторы этой работы. Опросы 1990-1991 гг. являлись повторением исследования, осуществленного в 1981 г., и были направлены на фиксацию состояния и изменений в системе ценностей, установок и мнений. Для обеспечения сопоставимости данных во всех странах, где проводился опрос, использовался идентичный инструментарий. Итоги опросов 1981 и 1990-1991 гг. получили широкое освещение в печати и высокую оценку научной общественности (см., например, [1, 2]). Углубленный анализ собранных эмпирических данных, в котором участвуют специалисты из разных стран мира, продолжается. Материалы, представленные в настоящей статье, являются частью этой работы.

На основе данных опроса 1981 г. П. Эстером и Л. Халманом с использованием методов статистического анализа было показано, что совокупность западноевропейских стран состоит из нескольких групп, отличающихся по характеристикам систем ценностей и установок населения этих стран, т.е. по степени продвинутости к постмодернистскому обществу [1]. Эти группы существенным образом отличались между собой и по уровню экономического развития входящих в них стран. Тем самым был эмпирически верифицирован тезис Ингельхарта, согласно которому в развитых странах Запада в последние десятилетия произошла «тихая революция», проявившаяся, в частности, в постепенной замене доминировавших ранее буржуазных или материалистических ценностей на постбуржуазные или постматериалистические [3,4]. Последние тесно связаны со сменой ориентации, с возрастающим значением, придаваемым индивидуальной свободе и раскрытию способностей личности, улучшению качества жизни и окружающей среды. Данные повторного исследования 1990-1991 гг., которое приобрело глобальный размах, поскольку проводилось в 40 странах мира, позволили подтвердить сделанные ранее выводы и расширить представления о масштабах и особенностях процесса индивидуализации западного общества, изменениях в структурах ценностей и осуществить ревизию ряда положений теории модернизации/постмодернизации (см. об этом [2,5]).

В 1990-1991 гг., когда проводился второй опрос, Россия переживала агонию горбачевской «перестройки социализма», а в восточно- и центральноевропейских постсоциалистических странах, переживших эйфорию «бархатных революций» 1989 г., падение Берлинской стены и объединение Германии, уже в течение двух лет во всю шел процесс посткоммунистической вестернизации и прежде всего внедрения западной системы ценностей и установок в массовое сознание (о сущности посткоммунистической модернизации см. в [6]). Данным обстоятельством можно было в какой-то мере объяснить отличие характеристик политической культуры россиян той поры от других наций.

В настоящей работе мы, используя результаты опросов 1990-1991 гг., попытаемся ответить на вопрос: в какой мере вестернизировалось население России к 1993-1994 гг. — через два года после падения коммунистического режима, иначе говоря, насколько сходны оценки, мнения, политические ориентации, установки и ценности россиян в 1993-1994 гг. и жителей наиболее активно и успешно трансформирующихся экс-социалистических стран Восточной Европы (Чехословакия, Венгрия, Польша, экс-ГДР), государств Западной Европы и Северной Америки в 1990-1991 гг., и чем отличаются?

Поиск ответа на поставленный выше вопрос, разумеется, не может быть сведен к анализу доступного нам ограниченного объема эмпирической информации, и мы, естественно, не претендуем на то, чтобы дать исчерпывающие и всесторонние ответы на него.

Многие методические проблемы, с которыми мы столкнулись в процессе этой работы, связаны с тем, что авторы обследований городского населения России при разработке своих анкет изначально не имели намерений обеспечить сравнимость собираемых ими данных и данных EVS. Эта идея и задача вторичного статистического анализа объединенного массива ранее независимо собранной сопоставимой эмпирической информации возникли позже. В силу ограниченного объема журнальной публикации за пределами настоящей статьи мы оставляем подробное рассмотрение этих вопросов, равно как многих методологических и математико-статистических аспектов нашей работы, в том числе и касающихся формирования объединенного массива данных, извлеченных из электронных баз данных опросов European Value Study Group 1990-1991 гг. (далее по тексту — EVS данные) и опросов, проведенных в России в 1993 г. В представленном ниже сравнительном анализе использованы переменные,

имеющие (за двумя исключениями) идентичные формулировки в вопроснике EVS (читатель может с Ним познакомиться в [2]) и в анкетах репрезентативных почтовых опросов городского населения России, проведенных Отделом социальной динамики ИСГТИ РАН весной 1993 (объем выборки - 1 172 респондента, погрешность - 3%) и 1994 г. (1 657 человека, 3%). В таблицах, как правило, показаны данные всероссийского опроса 1993 г., а результаты опроса 1994 г. приведены в примечаниях.

О понятии «политическая культура» и переменных, использованных в анализе

Прежде всего хотелось бы отметить, что понятие «политическая культура» является достаточно широким, концептом, используемым в сравнительном политическом анализе весьма часто, и мы не имеем возможности проанализировать в этой статье обширную литературу по данному вопросу сколько-нибудь подробно. Большинство западных авторов, следуя современной традиции понимания сущности этой категории, заложенной Алмондом и Верба в 1956 г. [7], фокусируют внимание на политических ориентациях, которые, заметим, являются только одной из составляющих этого концепта наряду с остающимися вне поля анализа показателями политического поведения (участие индивидов в выборах, массовых акциях и т.д.). Феликс Хьюнкс и его соавторы, проанализировавшие данные опроса EVS 1990-1991 гг. с использованием этой категории в [2, гл. 4] и [8], попытались связать ее с теорией постматериализма. Они подчеркивают интегрирующую функцию политической культуры, проявляющуюся не только в демократическом обществе, но и при теократических или авторитарных режимах, и определяют «политическую культуру» как «целое, состоящее из порой противоречивых установок, желаний, символов и убеждений или ценностей относительно целей общества и путей их достижения, которое формирует основу для разрешения политических проблем и противоречий разного рода, создающих политическую напряженность в обществе» [8, р. 2, 4, 8]. Такое понимание политической культуры позволяет построить типологию обществ, объяснить, каким образом взаимосвязь процесса смены ценностных парадигм с политическими изменениями в конкретном обществе и экономическим развитием страны отображается в изменениях в стиле политического поведения и структуре политических ориентаций масс.

В настоящей работе различия в политической культуре рассматриваются с использованием ряда переменных, описывающих структуру политической ориентации и структуру политического поведения населения разных стран. В эмпирических данных о политической ориентации респондентов проявляются как установки в отношении специфических политических сил или институтов, так и более глубокие ценности общего характера. В представленном ниже анализе использованы показатели левой-правой самоидентификации респондентов, отношения к принципам, лежащим в основе функционирования обществ с рыночной экономикой, идее социальной справедливости и равенства, темпу проводимых реформ, за которыми стоят ценности идеологического характера и «ценности экономического и культурного индивидуализма», связанные с процессом индивидуализации и перехода от «материалистической» к «постматериалистической» политической культуре (индивидуализация понимается как социальный процесс, в ходе которого ценности, убеждения, установки и модели поведения индивида становятся все менее зависимыми от традиции и социальных институтов; подробнее об этом. см. в [2, р. 72].

Из индикаторов «материалистического» или «постматериалистического» статуса общества был избран уровень межличностного доверия. Это классический показатель, раскрывающий характер отношения индивида к окружающим его людям. Тот или иной уровень доверия связан с политическими ориентациями и поведением индивидов: отношением к институтам власти и представительной демократии, правящей партии и оппозиции и т.д. [9, р. 195-196]. Высокие значения показателя уровня межличностного

доверия интерпретируются как свидетельства высокой степени укорененности ценностей демократии в обществе, ибо, согласно политической теории, демократия предполагает доверие между людьми, поддерживающими выборные органы власти [10]. Э. Ноэль-Нойман в этой связи отмечает, что если в 1953 г., по данным опросов Алленбахского института демоскопии, лишь 13% жителей Западной Германии полагало, что «большинству людей можно доверять», то к концу 1992 г. это число выросло до 45% [11]. Р. Ингельхарт в докладе, посвященном пересмотру теории постмодернизации в свете данных EVS, указывает, что в этом индикаторе отразилась взаимосвязь уровня экономического развития страны в целом, жизненного уровня граждан, степени насыщения их потребностей как в абсолютном, так и в относительном измерении, и распространенности в обществе постматериалистических ценностей: «общества с высоким уровнем экономического развития не только имеют относительно более высокие уровни объективного удовлетворения потребностей, будучи относительно более богатыми и проч., но для них характерен и более высокий уровень социальной защищенности и благосостояния их членов, что в свою очередь ведет к межпоколенному сдвигу в сторону постматериалистических ценностей» [5, p. 12].

Из показателей политического поведения в анализ включены показатели готовности к участию в организованных акциях протеста, традиционно используемые социологами и политологами и интерпретируемые в рамках теорий политической активности (см., например, [12]). Поскольку политическая активность индивида связана не только с ценностными структурами личности, но и с объективными условиями его жизнедеятельности и их субъективными оценками, в анализ были включены индикаторы удовлетворенности работой, доходом семьи и жизнью в целом.

Сопоставление стран по показателям интереса к политике, доверия к институтам власти и ряду других индикаторов политической культуры не приводится ниже в силу ограничений объема.

Россияне - наиболее неудовлетворенное жизнью сообщество

Мы полагаем, что правы те, кто говорит, что неудовлетворенность между тем, что люди хотели бы иметь и тем, что они имеют (депривация) существует повсеместно - и в богатых стабильных демократических государствах (см. об этом [12]), и в посткоммунистических переходных обществах. Депривация проявляется в неудовлетворенности индивидов своим материальным положением, работой и, в конечном счете, жизнью в целом. Она в существенной мере влияет на отношение индивида к политике правительства, на его политические пристрастия и поведение. Зачастую высказывается мнение, что неудовлетворенность каждого отдельно взятого индивида различными обстоятельствами его жизни зависит как от соотношения его притязаний и достижений, благосостояния его семьи, так и от состояния экономики и жизненного уровня большинства населения страны в целом. Коль скоро это так, можно было ожидать, что в восточноевропейских обществах доля респондентов, довольных своей жизнью, доходом и работой окажется ниже, чем в богатых западных демократиях с высоким уровнем жизни, социальной защиты и стабильности. Данные, приведенные в табл. 1 подтверждают это предположение: экс-социалистические страны Восточной Европы, и прежде всего Россия, разительно отличаются от стран Запада по доле удовлетворенных жизнью, доходом, работой.

Уровень неудовлетворенности жителей городов России, зафиксированный в опросах 1993 и 1994 гг., близок к предельно высоким значениям, существенно превышающим аналогичные показатели восточноевропейских стран в 1990-1991 гг. — через два года после победы «бархатных революций». Любопытно сопоставить эти данные с результатами опроса населения Горьковской области в начале 80-х годов: доля удовлетворенных работой была равна 64,1 %; материальным положением - 32,6%; жизнью в

Удовлетворенность различными сферами жизнедеятельности, %

Страна	Удовлетворенность различными сферами жизнедеятельности		
	работа	материальное положение	жизнь в целом
Дания	88,3	67,3	85,7
Нидерланды	80,1	76,0	84,2
Исландия	81,6	53,0	84,9
Швеция	85,4	63,1	84,1
Норвегия	81,3	56,3	77,6
Канада	82,2	68,6	83,5
Северная Ирландия	77,5	57,5	83,2
Ирландия	78,3	58,8	79,9
США	81,2	62,0	80,6
Бельгия	79,9	70,3	78,4
Испания	65,4	50,0	77,0
Италия	69,5	66,9	71,1
ФРГ (Западная Германия)	72,3	59,7	71,5
Великобритания	71,1	56,5	71,5
Португалия	65,6	42,8	63,4
Франция	58,8	42,0	58,9
ФРГ (Восточная Германия)	66,2	42,1	57,9
Чехия	62,2	35,0	69,9
Польша	66,3	24,3	52,0
Словакия	69,3	35,0	57,9
Венгрия	66,3	29,6	43,9
Россия-93	39,0	7,5	20,0

Во Всероссийском опросе горожан 1994 г. получены результаты, сходные с данными 1993 г. соответственно 36,9%, 9,7% и 21,0%.

целом - 42,94) [13, с. 234]. Эти цифры в два и более раз выше, чем итоги опросов 1993-1994 гг., однако, в период перестройки они расценивались Г.В. Осиповым как низкие, обусловленные застойными явлениями в области социального и экономического развития страны, отсутствием механизмов, позволяющих в полной мере использовать законы социализма [13, с. 234]. Стабильность массовой неудовлетворенности россиян своей жизнью является лучшим доказательством того, что кризис в этой стране необычайно глубок.

Межличностное доверие

Теперь обратимся к показателю *уровня межличностного доверия*, исчисляемого как доля респондентов, считающих, «что, вообще говоря, большинству людей можно доверять». Наиболее высокие значения этого показателя в странах Запада были зафиксированы среди населения Швеции - 66,1%, Норвегии - 65,1%, Дании - 57,7%, Нидерландов - 53,1 %, США - 54,5% и Канаде -52,4%. Несколько ниже в Ирландии - 47,4%, в Исландии, Великобритании и Северной Ирландии по 43,6%. В Западной Германии - 37,8%, в Испании, Италии и Бельгии соответственно - 36,0%, 34,8%, 33,2%. В наименьшей степени доверяют окружающим во Франции, где таких людей лишь 22,8%, и в Португалии - 21,4%. Не намного выше этот показатель в таких эксоциалистических странах как Словакия — 21,6%, Венгрия - 24,6%, Чехия — 26,1% и

Польша - 29,2%, Восточная Германия - 20,1 %². Россия, где опрос 1993 г. выявил высокий уровень доверия - 54,0% (в. 1994 г. - 57,0%), выглядит явно не похожей на своих посткоммунистических соседей.

Позиция России, где доля жителей, считающих, что большинству можно доверять, сопоставима со значениями этого показателя в группе стран с наиболее высоким уровнем жизни и давними демократическими традициями и выглядит, на первый взгляд, трудно объяснимой. Очевидно, современное российское общество нельзя считать обществом, где достигнут достаточно высокий уровень удовлетворения потребностей в сравнении с другими странами, включенными в анализ. Напротив, большинство россиян крайне недовольно своим объективно низким жизненным уровнем и не доверяет властям.

На наш взгляд, высокий уровень межличностного доверия россиян можно рассматривать как традиционную черту российской народной культуры и русского национального характера, не связанную напрямую с уровнем материального благополучия. Заметим, что, по Ингельхарту, связь между постматериализмом как системой ценностей и субъективными оценками благополучия на личностном уровне надлежит трактовать как «культурный синдром», а не продукт идеологии [5, р. 12]. Если признать это положение справедливым, то за высокими значениями данного показателя в России скрывается объективная предрасположенность и готовность россиян к восприятию ценностей постматериализма и демократии во всем объеме. Ясно, впрочем, что для российского общества успех на пути к богатому постмодернистскому обществу лежит через достижение высокого уровня жизни его членов, восстановление доверия большинства населения к институтам власти и представительной демократии.

Свобода, равенство, справедливость, государственный патернализм

В литературе неоднократно описывались эмпирические факты, свидетельствующие, во-первых, что жители восточноевропейских стран в меньшей степени дорожат личной свободой и в существенно большей степени привержены принципу социальной справедливости, убеждены в том, что государство может и должно заботиться об обеспечении своих граждан работой и жильем, нежели западноевропейцы и американцы, и, во-вторых, что, напротив, среди живущих на Западе больше приверженцев либерального принципа ограниченного вмешательства государства в экономическую активность и частную жизнь граждан. При этом отмечалось, что эти факты могут быть интерпретированы как результат воздействия социетального фактора на систему ценностей и ориентации членов данных обществ; особо подчеркивалась роль ценностей и ориентации, связанных с прежде доминировавшей на востоке Европы коммунистической идеологической доктриной.

На наш взгляд, тривиальность этого положения достаточно очевидна, и данные, помещенные в табл. 2, не содержат каких-либо откровений, демонстрируя в целом вполне предсказуемую картину различий в степени приверженности принципам либерализма и идеалам социальной справедливости среди жителей стран, отличающихся между собой по степени популярности социалистических идей и их использованию в практической социальной политике. Поляки и восточные немцы в наименьшей степени поддерживают идею государственного перераспределения доходов в пользу бедных, а россияне - в наибольшей.

Табл. 2 демонстрирует также различия культур в решении ценностной дилеммы «личная свобода Или равенство: наибольшее число считающих, что личной свободе следует отдавать приоритет перед равенством, среди американцев, наименьшее - среди сравнительно более бедных католических южноевропейских наций, что, впрочем, неудивительно. То, что доля россиян, как и жителей Других посткоммунистических стран, считающих, что равенство важнее, чем личная свобода, очень

Таблица 2

Распространенность либеральных, эгалитарных и либертарных ценностей, %

Страна	«За» государственное регулирование доходов*	«Государство должно гарантировать работу и жилье»**	«Свобода важнее равенства»***
Дания	19,3	16,3	61,7
Нидерланды	21,8	22,0	57,2
Исландия	32,3	25,9	44,5
Швеция	19,9	10,9	66,6
Норвегия	23,9	21,1	66,6
Канада	21,6	19,4	60,8
Северная Ирландия	16,1	35,7	64,4
Ирландия	27,3	29,8	45,3
США	17,7	13,5	71,0
Бельгия	31,8	29,1	51,7
Испания	44,2	44,8	47,8
Италия	33,5	39,3	45,6
ФРГ (Западная Германия)	27,2	22,1	65,9
Великобритания	21,6	32,7	65,0
Португалия	50,4	27,9	41,8
Франция	40,2	18,8	53,2
ФРГ (Восточная Германия)	12,9	23,3	50,2
Чехия	25,6	27,5	61,7
Венгрия	32,8	58,0	51,0
Словакия	28,2	48,8	55,7
Польша	12,6	45,1	54,7
Россия-94	-	-	29,0****
Россия-93	74,0	64,0	-

* Вопрос: «Считаете ли Вы, что правительство должно сделать все, чтобы уменьшить различия в доходах между богатыми и бедными, например, повышая налоги на доходы богатых и выплачивая пособия бедным?» Ответ: «Да, доходы должны быть более равными».

** Вопрос: «Некоторые люди полагают, что государство обязано следить за тем, чтобы каждый человек имел работу и хорошие жилищные условия. Другие же, напротив, считают, что правительство не должно вмешиваться в частную жизнь граждан и должно предоставить каждому устраивать свою жизнь по своему усмотрению. Что думаете вы по этому поводу?» В таблице показан вариант ответа: «Государство должно гарантировать работу и хорошее жилье».

*** Вопрос: «Внимательно прочитайте приведенные ниже мнения А и В. Какое из них ближе всего к Вашему мнению?» А: «Я считаю, что важны и свобода, и равенство. Но, если выбирать между ними, то я считаю личную свободу более важной, т.е. каждый должен жить так как он хочет, без каких-либо искусственных- ограничений». В: «Конечно, важны и свобода и равенство, но я считаю равенство более важным, поскольку социальные различия между людьми не должны быть слишком большими и никто не должен пользоваться незаслуженными привилегиями». В таблице показана доля выбравших вариант А.

****В анкете всероссийского опроса городского населения 1993 г. использовалась следующая формулировка вопроса: «Согласны ли Вы, что свобода есть высшая ценность, ради которой можно смириться с ростом экономического неравенства?» Положительно на этот вопрос ответили 52% опрошенных.

высока, следует, по-видимому, объяснять не только эффектом индоктринации, но и воздействием новых непривычных условий жизни - усилением имущественного неравенства, опасностью безработицы, перманентной социальной и политической нестабильностью, которые стимулируют развитие ностальгических настроений по прежней социальной защищенности И порядку среди части населения. Обратим внимание, что половина респондентов, участвовавших в весеннем опросе 1993 г., согласна с тем, что «свобода есть высшая ценность, ради которой можно смириться с ростом экономического неравенства». Различия в результатах опросов 1994 и 1993 гг. объясняются,

Готовность принять участие в массовых акциях в защиту своих интересов, %

Страна	Протестные действия				
	подписи под петициями	акты гражданского неповиновения	митинги, демонстрации	забастовки	заятие помещений, блокада путей сообщения
Дания	25,4	31,6	31,9	23,3	6,7
Исландия	36,6	52,7	52,5	20,4	9,4
Норвегия	27,8	51,7	55,5	58,0	10,2
США	19,8	44,8	43,7	30,0	17,3
Канада	14,9	43,3	42,8	28,1	20,7
Швеция	23,8	61,6	58,9	40,9	19,4
Бельгия	27,2	28,1	29,4	17,9	20,7
Северная Ирландия	27,1	29,5	31,2	17,4	7,9
Нидерланды	31,4	33,1	38,8	20,7	21,8
Ирландия	39,8	33,3	41,5	23,4	19,2
ФРГ (Западная Германия)	31,4	36,8	41,9	18,7	9,9
Великобритания	16,9	34,4	34,6	18,7	9,9
Италия	34,6	45,5	37,1	17,8	19,6
Франция	29,0	40,2	32,4	24,9	24,8
Чехия	32,2	29,5	42,4	31,9	16,6
Португалия	45,8	31,2	48,9	19,2	11,1
Испания	39,8	25,1	40,2	17,6	16,6
Венгрия	29,9	14,2	25,9	27,3	3,9
Словакия	37,6	36,9	52,2	37,6	18,3
Польша	34,5	23,2	36,5	14,8	11,1
ФРГ (Восточная Германия)	25,8	30,7	35,1	14,0	13,4
Россия-93	60,0	32,0	37,0	23,0	8,0

Во Всероссийском опросе горожан 1994 г. были получены результаты, сходные с данными 1993 г.: соответственно - 53%, 40%, 48%, 37% и 16%.

на наш взгляд, не столько отличными формулировками вопросов, сколько резким падением доходов большинства населения и углублением имущественной дифференциации горожан, произошедшими за год, разделяющий два опроса.

Табл. 2 показывает также, и это действительно заслуживающий внимания момент, что какой-либо явной статистической закономерности, определяющей пропорции сторонников противоположных взглядов в восточных переходных обществах и западных стабильных демократиях (и тем самым отличие посткоммунистических обществ от остального мира) не просматривается.

Готовность к протесту

В табл. 3 показаны данные о готовности жителей разных стран к участию в различных массовых протестных акциях. За разнообразием и сходством в отдельных случаях пропорций респондентов, выявленных в разных странах, едва ли стоит искать закономерности, непосредственно связанные с принадлежностью конкретной страны к той или иной группе. Отличие одного общества от другого, скорее всего, связано с широким спектром причин (национальные традиции в использовании тех или иных приемов борьбы, боевитость профсоюзов и влияние политических оппозиционных партий в массах, особенности социально-экономической и политической ситуации на момент опроса, состояние общественного мнения и проч.).

Данные не подтверждают предположение о том, что крайне недовольное своей жизнью российское население продемонстрирует наивысшую в сравнении с другими готовность к борьбе за свои права и интересы с использованием таких действенных массовых форм протеста как демонстрации, забастовки. И действительно, реальные масштабы протестной активности россиян в 1993-1994 гг. были невелики. Объяснение этого феномена может быть найдено в неверии большей части трудящихся в эффективность подобных акций в связи со слабостью профсоюзного движения, оппозиции, в растущей политической а alienации масс и кризисе идеологических ценностей.

Политическая ориентация респондентов на шкале «левые-правые»

Показатель политической самоидентификации индивида на шкале «левые-правые» широко используют в исследованиях политической культуры западных демократий. Обсуждая сопоставимость EVS данных 1990 г. о лево-правой ориентации респондентов из стран Западной и Восточной Европы, Андрис ван де Брук и Рууд де Моур указывали на возможность ошибочной интерпретации результатов такого сравнения, «поскольку не известно точно, употребляют ли восточноевропейцы термины "левый" и "правый" в том же смысле, что и западноевропейцы. В восточноевропейском политическом лексиконе после 1989 г. ярлыки "правый" и "консервативный", как описывающие предрасположенность к сохранению статус-кво, применялись к коммунистам, в то время как сторонники реформ в направлении к либеральной рыночной экономике, воодушевляемые Рейганом и Тэтчер, именовались "прогрессивными". В то время как на Западе правая политическая ориентация выражается в позитивном отношении к рынку как распределительному механизму экономики, на Востоке это не так» [2, p. 215].

Призыв к осторожности при построении обобщений на основе эмпирических данных представляется нам оправданным. Тем не менее сравнение с результатами опросов в России 1993—1994 гг. может быть сделано, на наш взгляд, без каких-либо ограничений. Дело в том, что, если в СССР в период перестройки интерпретация понятий «левый» и «правый» была аналогичной, описанной А. ван де Брук и Р. де Моур (см. об этом в [14, с. 21]), то уже к весне 1993 г. в российской прессе и обществе эти ярлыки употреблялись в «классическом» смысле: «левые» - коммунистическая оппозиция и близкие к ней по политическим программам силы, «правые» - проправительственные, прозападноориентированные политические образования. Другое дело, что использование лево-правой схемы в контексте российской действительности осложнено тем, что на политической сцене фактически отсутствуют «центристы», ибо в реальности политические формации, называющие себя центристскими, таковыми не являются.

Более половины российских респондентов не сумели или не пожелали указать свое место на схеме «левые-правые» (табл. 4). На наш взгляд, высокий процент, наряду с отмеченной выше причиной, обусловлен также иными мотивами. Указание своего места на левом или правом фланге этой шкалы воспринималось некоторыми людьми не как простой акт идеологической самоидентификации, а как открытое выражение своей поддержки одной из сторон непрекращающегося политического конфликта. И поэтому некоторые респонденты просто уклонились от ответа, опасаясь, что их явным образом выраженная симпатия к левым или правым станет известна, другие не желают поддерживать ни ныне правящих правых, ни левых наследников их предшественников, третьи с недоверием относятся ко всем партиям и лидерам. Наконец, массовое уклонение от ответа может быть связано с происходящей ломкой системы ценностей российского общества, поскольку политическое самоопределение индивида связано с идеологическими ценностями, - старые идеологические ориентиры уже низвергнуты, а новые еще не заняли их место.

«Левая-правая» политическая ориентация, %

Страна	Левые	Лево-центристы	Центр	Право-центристы	Правые
Дания	2,6	21,4	44,9	24,2	6,8
Норвегия	5,3	22,0	38,5	26,3	7,9
США	3,2	13,3	54,4	22,0	7,1
Канада	2,6	13,5	58,0	20,8	5,1
Швеция	5,5	22,0	37,1	26,0	9,2
Бельгия	6,1	21,0	41,9	19,5	11,1
Северная Ирландия	1,1	9,0	56,6	25,8	7,5
Исландия	4,6	25,0	34,4	24,9	11,1
Нидерланды	6,9	23,7	36,7	28,4	4,3
Ирландия	2,5	9,8	54,6	21,2	11,9
ФРГ (Западная Германия)	3,3	25,5	47,8	20,1	3,3
Великобритания	6,1	17,8	49,7	21,2	5,2
Италия	15,1	25,6	41,8	12,9	4,6
Франция	9,1	32,7	38,0	16,8	3,4
Португалия	5,6	17,6	46,2	19,5	11,1
Испания	13,9	30,6	34,8	15,8	4,9
Венгрия	4,7	13,1	64,7	12,8	4,8
Чехия	6,1	11,5	44,3	26,9	11,2
Словакия'	8,7	16,5	44,0	16,9	13,9
Польша	3,7	9,0	60,0	17,2	11,1
ФРГ (Восточная Германия)	6,2	27,6	48,0	15,5	2,6
Россия-93	4,5	36,5	47,5	9,2	2,3

(расчеты произведены без учета 56% респондентов, уклонившихся от ответа)

Во Всероссийском опросе горожан 1994 г. использовалась трехпунктовая шкала и были получены следующие результаты: левые - 26,0%, центр - 60,0%, правые - 14,0% (расчеты произведены без учета 57% респондентов, уклонившихся от ответа).

Если же сравнить структуру политически самоопределившегося меньшинства россиян со структурами других посткоммунистических стран, то легко заметить незначительный крен влево.

Отношение к темпу реформ

Не подлежит сомнению, что характер и содержание политических реформ на Западе существенным образом отличаются от происходящего на Востоке Европы. Однако и там, и тут они затрагивают интересы людей и находятся в фокусе общественного мнения. Структуры коллективного общественного мнения по отношению к реформам в России и других странах, на наш взгляд, сопоставимы. Среди опрошенных в 1990 г. полностью или частично согласных с мнением «Политические реформы в этой стране¹ идут чересчур быстро» оказалось: во Франции - 36,3%, в Великобритании - 28,0%, Западной Германии - 42,8%, Италии - 24,3%, Испании - 27,8%, Португалии - 23,8%, Нидерландах - 16,1%, Бельгии - 32,7%, Дании - 43,3%, Норвегии - 29,1%, Швеции - 46,7%, Северной Ирландии - 28,7%, Ирландии - 18,5%, США - 25,7%, Канаде - 31,8%, Исландии - 24,4%, Восточной Германии - 60,4%, Венгрии - 47,3%, Чехии - 37,1%, Словакии - 47,7%, Польше - 49,3%³.

В российском опросе 1993 г. 36,0% респондентов были полностью или частично согласны с мнением «Ельцин слишком торопится с реформами». Интерпретируя эти

цифры, не следует забывать об отмеченных выше отличиях в содержании преобразований и о масштабах, в которых они касаются повседневной жизнедеятельности масс в России и других странах. Доля респондентов, негативно оценивающих скорость реформ в России ниже, чем во всех восточноевропейских посткоммунистических обществах.

Результаты факторного анализа

Выше мы рассмотрели сходство и отличия россиян от жителей других стран, сравнивая распределения показателей без учета корреляций. На следующем этапе нашего исследования объединенный массив EVS данных 1990-1991 гг. и данных весеннего опроса российских граждан 1993 г. (14 переменных, 22 страны, 31 910 респондентов) был обработан методом главных компонент с варимаксным вращением. Такая процедура позволила учесть статистические взаимосвязи между переменными, оставшиеся за пределами ранее представленного анализа. Изучение матриц корреляций, факторных нагрузок, и собственных чисел, которые в настоящей статье не приводятся в силу ограничений объема, позволило сделать вывод о целесообразности использования в последующем анализе первых четырех главных компонент (латентных ортогональных факторов), аккумулирующих совместно 49 % общей дисперсии 14 переменных. Простая и ясная интерпретация этих факторов, представленная ниже, основана на величинах нагрузок на переменные после вращения этих факторов по критерию Варимакс и корреляциях между переменными, имеющими высокие нагрузки.

Сущность первого фактора определяется 5 переменными, измеряющими готовность к участию в акциях протеста (формулировки показателей см. в табл. 3) и имеющими высокие положительные нагрузки (0,55-0,71). Эти переменные положительно связаны между собой (значения коэффициентов корреляции лежат в интервале 0,14-0,44) и образуют логически однородный комплекс. Таким образом, первый фактор суть интегральный измеритель *готовности к протесту* в различных формах. Он ответственен за 17% совокупной дисперсии 14 переменных.

Во втором факторе высокие положительные нагрузки (0,73-0,78) имеют 3 взаимосвязанные переменные, измеряющие удовлетворенность различными аспектами жизнедеятельности индивида (см. табл. 1). Значения коэффициентов корреляции между переменными лежат в интервале 0,35-0,44. Это фактор *удовлетворенности*, описывающий разброс психологических оценок бытия респондентов в целом - от «полного удовлетворения всех желаний» (положительный полюс значений фактора) до «абсолютного недовольства всем» (отрицательный полюс). Он объясняет 15,7% совокупной дисперсии⁴.

Третий фактор может быть назван *идеологическим* или фактором *либерально-консервативной ценностной ориентации*. Такая интерпретация определяется его структурой: высокие нагрузки имеют 3 переменные - «политическая самоидентификация на шкале "левые-правые"» (0,56), «установка в отношении политики снижения различий по доходу» (-0,68), «установка в отношении государственного патернализма» (-0,62). Развернутые описания переменных приведены в табл. 2 и 4. Противоположность положительного и отрицательного полюсов континуума значений этого фактора может быть интерпретирована в терминах «правые-левые» или «либералы-реформаторы против консерваторов-традиционалистов». Третий фактор ответственен за 8,8% дисперсии.

Интерпретация четвертого фактора базируется на переменных — «межличностное доверие» (0,66), «установка на приоритет личной свободы перед равенством» (0,48, см. табл. 2)⁵ и «негативная оценка темпа реформ» (0,59). Следует отметить, что хотя парные корреляции переменных очень малы, взятые совместно, они образуют связный синдром. Этот фактор ответственен за 8,1% совокупной дисперсии и условно может быть назван *социокультурным*. Он указывает на совокупность черт, способствующих

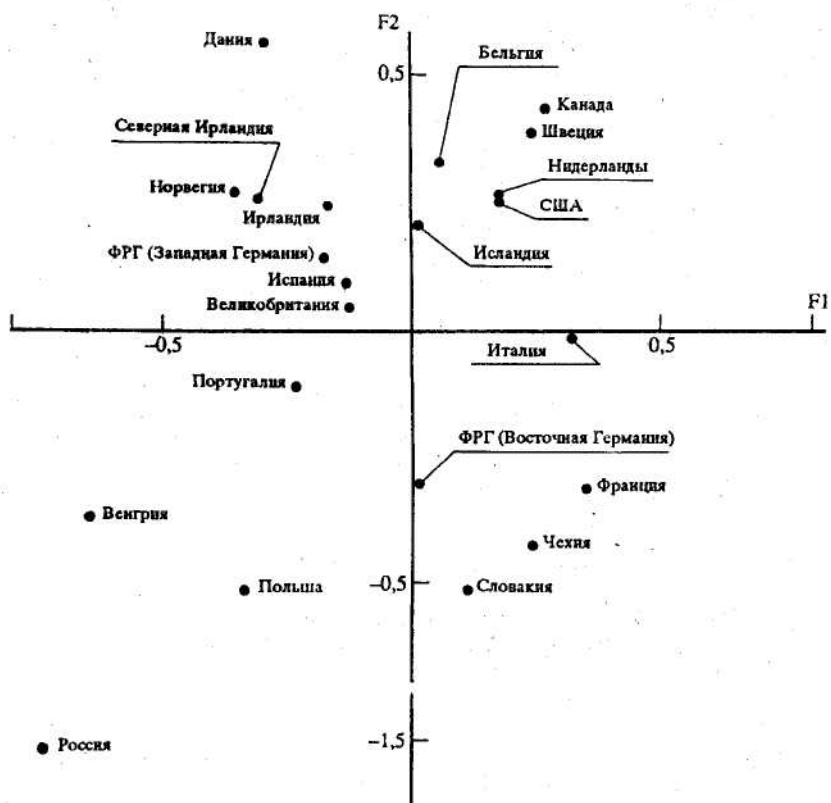

Рис. 1. Распределение стран в пространстве первого и второго факторов

становлению современной или даже постмодернистской индивидуалистической демократии [4].

К сожалению, из-за ограничений объема данной публикации мы не имеем возможности привести и подробно проанализировать средние значения факторов, рассчитанные для каждой из 22-х стран. По этой же причине мы вынуждены отказаться от обсуждения особенностей расположения стран в двухмерных пространствах, оси координат которых образованы факторами (рис. 1). Отметим лишь, что в сравнении с другими в России имеют наибольшее отрицательные значения фактор *готовности к протесту*, фактор *удовлетворенности*, фактор *либерально-консервативной ценностной ориентации* и наибольшее положительное значение - *социокультурный фактор*. Иначе говоря, россияне в минимальной степени в сравнении с другими рассмотренными обществами готовы к участию в акциях протеста в организованных массовых формах при наивысшей степени неудовлетворенности своей жизнью, доминировании традиционных материалистических ценностей, при наименьшей, в сравнении с другими, степени распространенности либеральных идей среди населения и наличии качеств, способствующих трансформации общества в направлении демократии и постмодернизма.

Результаты многомерного шкалирования

Применение метода главных компонент позволило нам, используя выделенные измерения (факторы), выявить группы обществ, сходных между собой не по какой-либо отдельно взятой переменной, а по всей совокупности доступных нам параметров. Для решения последней задачи был применен метод многомерного шкалирования. В расчетах использована программа, разработанная д-ром Марселем Кроуном из Тил-

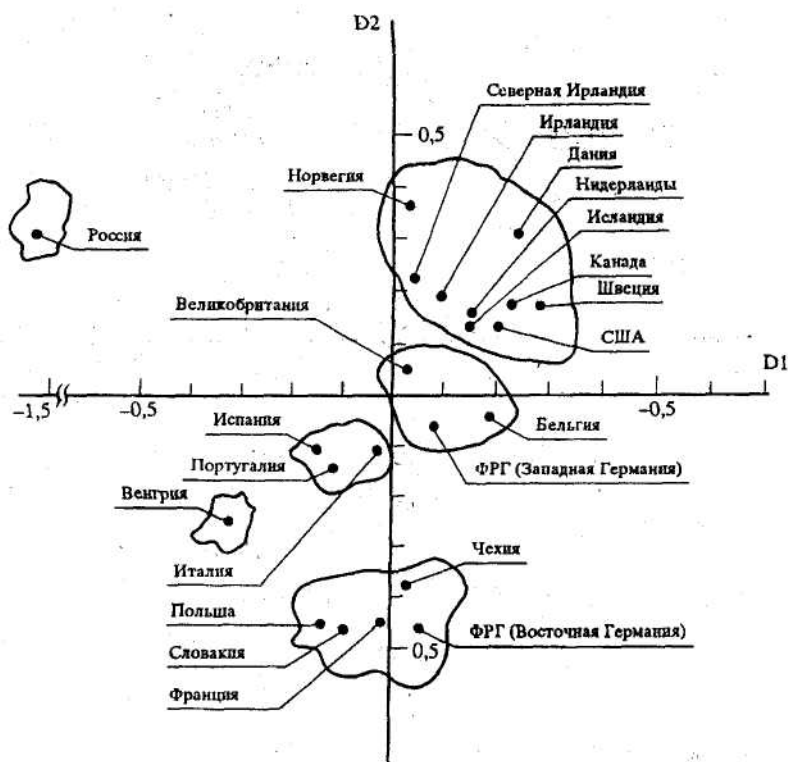

Рис. 2. Визуализация результатов многомерного шкалирования

бургского университета (исходная информация для расчетов - матрица средних значений 4-х вышеописанных факторов для каждой страны, выходная информация - координаты каждой страны и каждого фактора в новом двухмерном пространстве; матрицу координат мы не приводим из-за ограничений объема публикаций). Результаты расчетов, показанных на рис. 2, позволяют заключить, что совокупность изученных нами 22-х обществ состоит из 6-ти подгрупп (кластеров), в каждую из которых входят общества, наиболее сходные между собой по характеру доминирующих в них ценностей и другим элементам политической культуры. Приведенные ниже описания кластеров основаны на расчетах средних по кластеру значений каждой из переменных, рассмотренных в предыдущих разделах статьи (табл. 5).

В первый кластер входят Норвегия, Дания, Швеция, Исландия, Ирландия и Северная Ирландия, Нидерланды, Канада и США. Общества, объединенные в этот кластер, характеризуются наиболее высоким (в сравнении с другими) уровнем удовлетворенности различными аспектами жизни, межличностного доверия, высокой готовностью к участию в организованных акциях протеста, а также приверженностью большинства их членов либертарным ценностям и либеральным идеям. Второй кластер объединяет Великобританию, Бельгию и ФРГ. Основные характеристики этого кластера немногим уступают аналогичным показателям первого кластера. Отличие первого от второго кластера, по-видимому, состоит в степени распространенности постматериалистических ценностей среди различных возрастных и социальных групп населения (об этом см. в [2]).

Третий кластер образуют Италия, Португалия и Испания. Уровень удовлетворенности жизнью в этом кластере наиболее низкий среди западных обществ, а значительная часть населения поддерживает левых и социалистические идеалы социальной справедливости, равенства и ответственности Государства за условия жизни и труда своих граждан. Что неудивительно, ибо при многих различиях у стран

Средние характеристики кластеров, %

№ кластера	Удовлетворенность жизнью в целом	Уровень межличностного доверия	«Свобода важнее равенства»	Левосторонняя ориентация	«За» государственное регулирование доходов	Готовность к участию в забастовках
1.	82,6	55,1	59,8	19,3	21,6	29,1
2.	73,8	38,2	60,9	26,6	26,5	19,1
3.	70,5	30,5	45,1	36,1	42,7	18,2
4.	59,3	23,9	54,9	26,2	23,9	24,6
5.	43,9	24,6	51,0	17,8	32,8	27,3
6.	20,0	54,0	52,0	41,0	74,0	23,0

третьего кластера больше общего. Показатели уровня жизни населения в этих странах, хотя и являющихся членами Европейского Союза, ниже, чем в государствах, вошедших в первый и второй кластеры. И, наконец, нельзя забывать, что это - католические страны Южной Европы, которые, освободившись от авторитарных режимов, в разное время вступили на путь ускоренной модернизации.

Экс-социалистические Чехия, Восточная Германия, Польша, Словакия, а также Франция входят в пространственно отдаленный от предыдущих четвертый кластер. Отличительные черты этого кластера - сравнительно высокая неудовлетворенность жизнью при низком уровне межличностного доверия, который демонстрируют жители этих стран.

Пятый и шестой кластеры имеют в своем составе лишь по одному элементу - это соответственно Венгрия и Россия. Их своеобразие нельзя объяснить явно выраженным отличием от других по какой-либо одной переменной. Будучи сходными с другими по отдельным переменным, они отличаются по композиции значений всех вместе взятых показателей (см. табл. 5). Венгерский ученый Янош Шимон, характеризуя посткоммунистическую Венгрию 1990-1991 гг. писал: «Если экономисты с энтузиазмом описывали, как в результате эффективной экономической политики в процессе движения к рыночной экономике венгерский "гуляшный социализм" трансформировался в "гуляшный капитализм», то социологи мрачно замечали, что в итоге "самый счастливый барак" бывшего советского блока превратился в "самую унылую демократию" в регионе» [17, р. 228]⁶. О своеобразии российской политической культуры было сказано выше.

Итак, многомерное шкалирование позволило уточнить положение посткоммунистических обществ по отношению к странам Запада. Выявленные межстрановые различия могут быть интерпретированы так же, как еще одно доказательство различного положения, занимаемого каждым из включенных в анализ переходных обществ на пути к демократии и постмодернистскому статусу. Таким образом, поставленная в начале предыдущего параграфа задача решена.

Мы показали, чем российское общество после двух лет реформ отличается от посткоммунистических вестернизирующихся восточноевропейских обществ 1990-1991 гг. в контексте избранных измерений политической культуры и тем самым нашли определенный ответ на вопрос, сформулированный во введении. Думается, что проведенный сравнительный анализ поможет более взвешенно оценить возможности, варианты и пути общеевропейской интеграции и развития России в обозримом

будущем. Открытым остается практически важный вопрос: смогут ли россияне в процессе создания рыночной экономики и построения демократического государства адаптировать гражданские и демократические ценности западного мира, сохраняя лучшие черты своего менталитета и национального характера, или же платой за переход к капитализму будет эрозия национальной культуры и, в частности, утрата высокого уровня межличностного доверия, отличающего сегодня жителей этой страны от их посткоммунистических соседей? Не будут ли способствовать специфические черты политической культуры современного российского общества, помноженные на слабость российского гражданского общества, низкий уровень интереса к политике, отчуждение масс от власти и неверие в эффективность институтов представительной демократии, возникновению нового типа авторитаризма?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 93-06-10280), Тилбургского университета и Нидерландского Института высших исследований в области гуманитарных и социальных наук (NIAS) Нидерландской Королевской Академии Искусств и Наук. Она является итогом реализации договора о сотрудничестве между ИСПИ РАН и Факультетом социальных наук Тилбургского университета. Результаты этого исследования публикуются на русском языке впервые и в сокращенном виде. Подробнее они изложены в докладе «The western world values pattern viewed cross-nationally: a comparison of findings of the European and North American value study with recent Russian data» на международном симпозиуме «Ценности и труд» в Тилбургском университете 9-12 ноября 1994 г. и распространенном как WORC PAPER 94.11.05/6. WORC, Tilburg University, The Netherlands, 1994.

² По данным опросов Алленбахского института, доля восточных немцев, считающих, что «большинству людей можно доверять» в 1990 г. была равна 26%, в 1991 г. - 24% (т.е. серьезно не отличается от данных EVS), в 1992 г. - 29% и в 1994 г. - 26% [11, p. 29].

³ Из-за ограничения объема в настоящей публикации мы не приводим полного распределения ответов по 5-пунктовой шкале от «полностью согласен» до «категорически не согласен». Подробный анализ отношения россиян к темпу реформ в разрезе социальных и демографических групп по данным опроса 1993 г. дан в [15], об отношении восточноевропейцев к реформам см в [16].

⁴ Заметим, что этот фактор по смыслу аналогичен «психологическому» фактору, выделенному в исследовании факторной структуры российского общественного мнения, в которых использовался несколько иной набор переменных [15, 16].

⁵ Переменная «свобода важнее равенства», построенная по EVS данным, отличалась по редакции вопроса от аналогичной по смыслу переменной, содержащейся в данных российской опроса 1993 г. (см. примечание к табл. 2). Мы полагаем, однако, что различие в формулировках не означает, что измеряются разные по сути установки, но, не можем, к сожалению, точно оценить, в какой мере это обстоятельство повлияло на результаты расчетов.

⁶ Подробнее о трансформациях политической культуры венгерского общества этого периода см. в [17, 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ester P., Halman L. Basic Values in Western Europe: An Empirical Exploration. Paper presented at the XIIth World Congress of Sociology, Madrid (Spain), July 9-13, 1990.
2. The Individualizing Society. Value Change in Europe and North America / Peter Ester, Loek Halman, Ruud de Moor (eds.). Tilburg: Tilburg University Press, 1994.
3. Inglehart R. The Silent Revolution. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977.
4. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.
5. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: The Changing Relationship Between Economic Development, Cultural Change And Political Change. Paper presented at the Conference on Changing Political and Social Values, in honor of the 700th anniversary of Complute.se University, Madrid, September 27 - October 1, 1993.
6. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социол. исслед. 1995, № 1.
7. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Boston: Little Brown, 1963.
8. Heunks F., Hikspoors F. Political culture 1960-1990. Paper prepared for the EVS-symposium on European Values, Leuden (the Netherlands), 16-19 September, 1993.
9. Lane R.E. Political Man. New York: The Free Press, 1972.
10. Huntington S.M. Will More Countries Become Democracies? // Political Science Quarterly, 1984. № 99. P. 193-218.

11. *Noelle-Neumann E.* Changing from Dictatorship to Democracy without a Change in Journalists: A Report on a Joint German-American Research Project on the Development of Democracy in the New East German States and the Role of the Mass Media. Paper prepared for the panel «The Mass Media and the Democratic Process» at the 16th World Congress of the International Political Science Association. Berlin, August 21-25, 1994.
12. *Jennings M.K., van Delh J.W., et. al.* Continuities in Political Action: A Longitudinal Study of Political Orientation In Three Western Democracies. Berlin, New York: de Gruyter, 1989.
13. *Осипов Г.В.* Социализм и социология. М.: Наука, 1990.
14. *Рукавишников В.О.* Пик напряженности под знаком белого коня // Социол. исслед. 1990. № 10.
15. *Рукавишников В.О.* Социология переходного периода // Социол. исслед. 1994. № 6, 8-9.
16. *Rukavishnikov C.* A Split Society: Political Crisis and Popular Support and Transition to a Free Market and Democracy in Russia // Sociale Wetenschappen (the Netherlands). 1994. № 2.
17. *Simon J.* Post-paternalist Political Culture in Hungary: Relationship Between Citizens and Politics During and After the «Melancholic Revolution» (1989-1990) // Communist and Post-Communist Studies, V. 26, № 2, June 1993. P. 226-238.
18. *Bruzst L., Simon J.* The Change in Citizens' Political Orientations during the Transition to Democracy in Hungary // Public Opinion and Election Studies 1990-1991. Budapest: Institute of Political Science, Hungarian Academy of Science, December, 29, 1990.